

ПОВЕСТИ,
РАССКАЗЫ,
ЭССЕ

Точка невозврата

«Точка невозврата — в ядерной физике — тот момент реакции, когда уже невозможно вернуть ее в другую стадию и невозможно остановить. Секунда — и взрыв».

(Из энциклопедии)

Когда вышел второй том «Источника счастья», на встрече с читателями в книжном магазине ко мне подошла старушка и тихо, на ухо, спросила:

— Деточка, вас кошмары не мучают? Вожди не снятся?

Я ответила:

— Мучают. Снятся.

— И что вы делаете?

— Молюсь.

— Правильно. — Старушка кивнула и исчезла в толпе.

Вожди мне действительно снились, и сны с их участием были кошмарны. Не помню, кому из советских поэтов принадлежит строчка: «И я сегодня думаю о Ленине, как он когда-то думал обо мне». Вот примерно это со мной происходило на протяжении долгих лет жизни.

В детском саду висело и стояло по меньшей мере штук десять его изображений. Круглолицый ребенок, такой аккуратный и строгий, что невозможно представить, как «он тоже бегал в валенках по горке ледяной». Юноша в косоворотке, весь куда-то вдаль устремленный. Лысый дядька с бородкой, с маленькими недобрыми глазками. Кроме портретов были еще белый бюст в кабинете заведующей и статуя на клумбе во дворе, в тусклой серебрянке, с большой башкой и недоразвитыми ручонками, правая вытянута вперед, указывает направление к Рижскому вокзалу, левая спрятана в карман.

Вроде бы я знала его с младенчества, но наше первое знакомство состоялось, когда на детсадовском утреннике 7 ноября меня обязали громко произнести: мы внучата Ильича. Я поду-

мала, что моим родным дедушкам, Леше и Васе, будет обидно, если я назову себя чьей-то чужой внучкой. Я очень любила своих дедушек, мне вовсе не хотелось их обижать. К тому же врать нехорошо. Но что-то заставило меня это сделать. Я послушно произнесла свою часть речевки, сначала на репетиции, потом на утреннике. Мне было стыдно. Я соврала, впервые в жизни. И ничего не произошло. Все хлопали в ладоши.

Вот так мы с ним познакомились. В память об этом знаменательном событии даже сохранилась фотография. Под огромным его портретом строй рядных детей с шариками в руках. Все дети, как положено на праздничном утреннике, веселые, только я, третья слева, пришибленная всеобщим ликованием и собственным гнусным враньем, напряженная и озадаченная.

Да, он меня уже тогда озадачил. Мне захотелось узнать — кто он такой? Любопытство мое разгоралось еще больше оттого, что я чувствовала невозможность, немыслимость прямого вопроса: кто такой Владимир Ильич Ленин? Он повсюду: во дворах и на площадях, на деньгах и в газетах. О нем пели песни, показывали фильмы, писали книжки.

Я рано научилась читать. Меня многое интересовало, например дельфины, шаровая молния и космические «черные дыры». Я нашла кучу информации о них и читала с удовольствием. Ленин меня тоже интересовал, но читать, говорить и даже думать о нем было невозможно. Во-первых, нестерпимо скучно, во-вторых, всякий раз у меня возникало чувство подмены, надувательства. Я понимала — авторы врут, так же, как врала я на утреннике в детском саду, называя себя и других детей средней группы «внучатами Ильича». Да, они врут так же, но только значительно многословней и уверенней.

В десять лет я совершила преступление. У меня имелось оружие. Пластмассовая трубка, сделанная из корпуса шариковой ручки. Через нее удобно было плевать в цель комочками жеваной бумаги. В сообщники я выбрала Дрюню, моего лучшего друга. Мы дежурили после уроков, мыли пол в классе и заодно упражнялись в стрельбе. Мишенью стал портрет Ленина. Жеваная бумага не оставляла следов на стекле. Мы с Дрюней со-

ревновались, у кого больше получится попаданий в кончик носа, в центр лба, в узел галстука. Мы так возбужденно спорили, что чуть не подрались. Наверное, наша энергичная возня вызвала сотрясение пола и стен, иначе как объяснить внезапный разрыв шнура и падение портрета на пол?

Стекло разбилось. Мы застыли у доски, я с веником, Дрюня со шваброй. Сквозь осколки глядели на нас снизу вверх маленькие сощуренные глазки. Что в них было? Обида? Упрек? Зло-радство? Со страху мы могли вообразить что угодно. Он расскажет нашей классной и всему педсовету, как мы плевали ему в лицо жеваной бумагой. Или ночью сойдет с пьедестала мраморная статуя, украшающая школьный вестибюль, и явится к кому-нибудь из нас домой. Мы как раз недавно прочитали «Маленькие трагедии» Пушкина. А тут еще песня Александра Галича «Когда в городе гаснут праздники, когда грешники спят и праведники, государственные запасники покидают тихонько памятники».

Мы с Дрюней были детьми начитанными и впечатлительными. Песни запрещенного Галича звучали и в его, и в моем доме. Мы ясно представили себе, как мраморный вестибюльный Ленин с гордо поднятой головой, с вытянутой вперед и вниз правой рукой медленно зашагает по ночной улице Горького, и запертые двери его не остановят. Дрюня заявил дрожащим шепотом, что мой дом ближе, чем его. Это было малодушно и вовсе не по-мужски. Я ответила: зато я живу на девятом этаже, а ты на четвертом. Мы горячо заспорили, влезет ли статуя в лифт или станет подниматься по лестнице. В этот момент вошла классная и спокойно заметила, что шнурок давно следовало поменять, портрет, дескать, держался на соплях и хорошо, что грохнулся не на чью-то голову.

Преступление осталось латентным. Осколки смели, над доской повесили новый портрет, на крепком шнурке. Статуя по сей день стоит в школьном вестибюле, ни ко мне, ни к Дрюне домой так и не явилась.

Наши квартиры были своего рода убежищем, личным пространством, малогабаритным, но свободным от Ленина. Ни

портретов, ни бюстов, ни книг. Стоило выйти во внешний мир, и великий вождь в своих бесчисленных воплощениях сразу вставал на пути.

Годам к пятнадцати он мне порядком надоел. Его оказалось слишком много в моей маленькой жизни. Помимо портретов, бюстов, статуй, денег, газет, изречений, он обильно присутствовал в школьной программе в виде текстов, не только на русском, но и на английском языке. Приходилось учить наизусть стихи о нем, на уроках пения петь о нем песни, после уроков в обязательном порядке смотреть о нем фильмы, документальные и художественные.

Он заполнял собой огромные куски пространства и времени, но выглядел менее убедительно, чем Кощей Бессмертный или Баба Яга. И в отличие от сказочных персонажей он был нестерпимо скучен. От него веяло смертельной скукой. Его образ был безнадежно мертв. Я стала подозревать, что такой человек вообще никогда не жил на свете.

Сомнения в реальности его существования только усиливались оттого, что всё вокруг с поразительным упорством пыталось убедить, будто он не просто человек и не просто живой, а «самый человечный человек» и «живее всех живых».

Мумию в мавзолее я увидела лет в восемнадцать. На Всесоюзном совещании молодых писателей я была старостой семинара поэзии. Посещение знаменитой усыпальницы входило в культурную программу для участников совещания, гостей из союзных республик. Мне пришлось сопровождать группу.

Труп выглядел еще менее убедительно, чем бюсты, статуи и портреты. Мне показалось, что лицо и руки отлиты из папье-маше, а волоски у висков подрисованы простым карандашом. Представить себе земной путь этой маленькой некрасивой куклы я не могла. И еще труднее было вообразить, каким образом эта кукла умудрилась организовать такое грандиозное событие — Великую Октябрьскую социалистическую революцию (ВОСР)?

В жизни каждого советского учащегося ВОСР происходила минимум дважды — в восьмом и в десятом классе. У тех, кто получил высшее образование, ВОСР случалась четыре раза. Чем больше я узнавала, тем меньше понимала. ВОСР притягивала меня, как притягивает то, чего боишься.

Да, я боялась ее, Великую Октябрьскую социалистическую. Боялась так сильно и серьезно, словно это событие что-то значило для меня лично. Смертный ужас, чувство абсолютной беззащитности, сиротства, насилия и физической гибели — вот чем она для меня была.

Прабабушки, бабушки, дедушки скупно делились воспоминаниями. Бабушке Липе в семнадцатом было семь. Для нее ВОСР началась так: «Мы сидим, обедаем. Вдруг жуткий грохот, топот, крики. Распахивается дверь, вваливаются какие-то пьяные люди, упирают в нас штыки, кричат: буржуи, встать! Мы встаем. Они хватают со стола скатерть, вместе со всем, что на ней, с тарелками, супницей, соусниками. Связывают скатерть в огромный узел и убегают. Мама, папа, брат Даня, гувернантка немка, няня, горничные — все стоят и молчат. Тишина чудовищная, но недолгая. Опять грохот и крики. Опять влетают со штыками, хватают стулья и убегают. Я спросила папу: что это такое? Он ответил: это революция, Липонька».

Прабабушка Лена к семнадцатому успела закончить Бестужевские курсы и Сорбонну. О ВОСР предпочитала молчать. Иногда что-нибудь прорывалось случайно. Железная дорога, поезд, станция. Пассажиры выходят, чтобы набрать кипятку. В станционном буфете сутолока, никто не решается подойти к баку с кипятком. У бака сидит нечто невообразимое. Серая шевелящаяся масса. Облако, состоящее из миллионов вшей. Внутри, под слоями насекомых, человека не видно. Так и поехали дальше, без кипятку, до следующей станции.

Впрочем, это уже было году в восемнадцатом, в Гражданскую войну. Война почему-то меня пугала не так, как ВОСР. Мой

личный ужас сосредоточился именно в конце октября 1917-го. Там блуждали в ночном ледяном воздухе сгустки мрака, огромные тени, и воняло от них перегаром, грязными портянками, махорочным дымом. Этот смрад оказался для меня спасительным. Я задохнулась насмерть за мгновение до того, как они напали. Они терзали тело, в ярости своей не замечая, что нет дыхания. Все, что происходило потом, я наблюдала уже со стороны, из какого-то иного, безопасного времени и пространства, вплоть до грозовой июльской полуночи 1960-го, когда пришлось опять вынырнуть в здешнюю неуютную реальность.

Мама говорит, что, родившись, я посмотрела на нее весьма сердито и заорала отчаянно. Вряд ли я сразу сумела сориентироваться во времени, но место не могла не узнать. Роддом № 6 находился в центре Москвы, на Третьей Мещанской улице. Где-то неподалеку, в Капельском, Банном или Больничном переулке меня зверски прикончили смутной октябрьской ночью 1917-го.

Я не помню подробностей, не могу и не хочу помнить. Иногда мне встречаются существа, очень похожие на тех давних моих знакомцев. В толпе мы мгновенно узнаем друг друга. Я больше не боюсь их, я смотрю на них с благодарностью. Милые твари, понимают ли они, какую огромную услугу мне оказали? Мне жутко не хотелось жить в России в период с семнадцатого по пятьдесят третий. Мои древние, сугубо контрреволюционные гены так противились этому, что существа, убившие меня, ни в чем не виноваты. Я виновата, только я. Струсила и пропустила то, что должна была узнать вовсе не как сторонний наблюдатель, а пережить как беззащитный очевидец, испытать на собственной тонкой шкурке. Вероятно, именно этим объясняется мое жгучее любопытство к эпохе великих свершений и к вождям великой эпохи.

Меня всегда завораживали таинственные хитросплетения причинно-следственных связей. Мизерность причин и грандиозность следствий. В октябре 1917-го безвестный маленький лысый эмигрант, лидер кучки экстремистов, при посредничестве немцев вернулся из долгой эмиграции и захватил власть в России. За год его правления от огромной мощной богатой держа-

вы ничего не осталось. Стояли заводы и фабрики, не ходили поезда, хлеб не сеяли, у крестьян отнимали последние запасы.

С одной стороны — наглая авантюра, ловкая жульническая сделка, с другой — искалеченные души и судьбы миллионов живых людей, разграбленная, униженная страна.

Вроде бы все прошло. От уголовной пошлятины ленинско-сталинского большевизма остался лишь пыльный хлам плакатов, портретов, газет. Стоит ли рыться в этой исторической помойке, пачкать руки, дышать смрадом? Что там можно найти? Конечно, сохранились архивы, но что они скажут, если целая армия профессионалов год за годом, день за днем занималась расчисткой и фальсификацией документов великой эпохи? Протоколы и приказы печатались на специальной бумаге, которая истлевала сама, лет через пять-семь. Свидетельства очевидцев вроде Бонч-Бруевича тоже истлевали сами, поскольку мемуары переписывались авторами каждые пять-семь лет, в соответствии с очередной линией партии, таким образом, что одни и те же события в каждой последующей версии менялись до неузнаваемости.

Я не знаю, где кончается придуманный сюжет и начинается жизнь. Вопрос этот для меня мучителен. Никогда не сумею на него ответить, но постоянно ищу ответ. Иногда мне кажется, что разница именно в конечности. Всякий сюжет имеет свой финал. Жизнь бесконечна. Короткий отрезок физического существования, от рождения до смерти, может стать увлекательным сюжетом. Для моего замысла средняя длина отрезка оказалась недостаточна. Я замыслила большой роман о ВОСР и ее последствиях. Мне понадобился герой-очевидец. Герой не только в литературном, но и в человеческом смысле. Мне нужен был человек, который в отличие от меня не струсит, переживет, доживет, все запомнит и сумеет рассказать. У него другие гены и шкурка потолка моей.

Решить проблему со средней длиной отрезка можно было лишь одним способом: отыскать рецепт эликсира молодости. Я занялась этим со свойственной мне дотошностью, впрочем, в начале пути я надеялась, что изобретать самостоятельно ниче-

го не придется. За четыре тысячелетия упорных и самоотверженных поисков лекарства от старости и смерти кто-нибудь что-нибудь нашел, пусть непригодное для практического применения, но хотя бы из разряда возможного, вероятного. Цель моя была бескорыстна, я не собиралась омолаживаться, эликсир требовался всего лишь моему персонажу.

Сразу возникли вопросы. Я что, намерена создать героя-алхимика? А вдруг вместо героя у меня получится гомункул, искусственный человек?

* * *

Есть несколько версий происхождения термина «алхимия». От латинского «humus» — земля, от китайского «ким» — золото. От египетского «кеми» — «черная земля». Арабское «ал» позволяет перевести термин как «философская химия». Первоначально «кеми» обозначало тайную науку жрецов Египта. Основатель ее античный бог Гермес. Греки считали его богом торговли и плутовства, проводником душ в подземном царстве. Позже к его имени прибавилось определение «Трисмегист», то есть «Триждывеличайший» (эпитет вполне сгодился бы для Ленина). Главный труд Гермеса Триждывеличайшего, «Изумрудная скрижаль», высечен алмазной палочкой на изумрудном диске. Диск с текстом нашли солдаты Александра Великого в Великой пирамиде в Гизе, а пирамида эта является усыпальницей Гермеса.

«Вот что есть истина, совершенная истина, и ничего, кроме истины: внизу все такое же, как и вверху, а вверху все такое же, как и внизу. Одного уже этого знания достаточно, чтобы творить чудеса. И поскольку все вещи существуют в Едином и происходят из Него, это Единое, которое есть Первопричина, порождает все вещи в соответствии с их природой.»

Солнце — Его отец, Луна — Его мать, Земля — Его кормилица и защитница, а ветер лелеет Его в своем чреве. Единое есть Отец всех вещей, в нем заключена вечная Воля. Здесь на

земле Его сила и власть пребывают в безраздельном единстве. Землю подобает отделять от огня, утонченное от плотного, но только осторожно и с великим терпением. Единое же возвышается с земли до небес и опускается с небес на землю. Оно таит в себе силу вещей небесных и силу вещей земных. Чрез это Единое вся слава мира сего станет твоею, а все неведение покинет тебя.

Это сила, могущественнее которой быть не может, потому, что Она проникает в тайны и рассеивает неведение. Ею был создан этот мир. Она свершает великие чудеса, ключ к которым содержится в этих словах.

Именуют меня Гермес Трисмегист, ибо я постиг три основных принципа философии Вселенной.

В словах моих содержится итог всей солнечной работы».

Прочитав это, я подумала: «Боже, какая пафосная чушь!» В комментариях утверждалось, что «Скрижали» содержит квинтэссенцию всей мудрости мира. Мне тут же вспомнилось: «Коммунизм — это молодость мира» и «Учение Маркса всесильно потому, что оно верно». Ассоциация с марксизмом-ленинизмом была настолько очевидной, что я устыдилась своего пренебрежения к тексту Триждывеличайшего.

За многие века накопилась огромная библиотека комментариев к «Скрижали». У меня хватило терпения прочитать некоторые из них, они показались мне еще туманней самого текста. Мне ужасно хотелось узнать, что разумел Трисмегист под понятием «Единое»? Не надеясь отыскать внятного ответа у комментаторов, я положила на собственные скромные возможности.

Утверждение «*Чрез это Единое вся слава мира сего станет твоею...*» показалось мне знакомым. Нет, не утверждение, предложение, причем деловое, так сказать, коммерческое. Не случайно для древних греков Гермес был богом торговли и плутовства. Значительно позже, в самом начале нашей эры, а именно в 33 году от Рождества Христова, в Иудейской пустыне прозвучало весьма похожее предложение: «*Тебе дам власть над всеми*